

Helga Duran

Секс-бомба

**ДЛЯ
САПЁРА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Helga Duran

Секс-бомба для сапёра

<https://litres.ru/74309137>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я привык жить на адреналине, но одна рыжая мажорка оказалась опаснее любой бомбы.

Сначала она обошла меня на нелегальной гонке, спрятав лицо под шлемом. Потом выяснилось, что за этой наглой девчонкой охотятся люди, которые решили через неё надавить на её отца.

– Гончаров, мне нянька не нужна, – усмехается она, а у меня все кишки переворачиваются от одного её взгляда. – Отпусти.

– Не могу.

– Почему?

– Потому что ты уже один раз от меня сбежала. Второго не будет.

Она хохочет так, будто не понимает, с кем играет.

А я слишком хорошо знаю: когда находишь бомбу, главное – вовремя определить, какой провод нельзя трогать.

С Мирославой я нарушил это правило сразу.

И теперь вопрос только один: кто из нас рванёт первым.

Содержание

Глава 1. Макс	4
Глава 2. Макс	10
Глава 3. Макс	18
Глава 4. Макс	25
Глава 5. Мирослава	33
Глава 6. Мирослава	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Helga Duran

Секс-бомба для сапёра

Глава 1. Макс

– Ну что, Гончаров, готов? – спросил начальник группы.

Он стоял в стороне, сложив руки на груди. Старый волк, видевший всё. Но даже в его глазах я прочитал вопрос: «Справишься?»

Сегодня моё утро началось не с кофе. Оно началось с ощущения, что кто-то провёл холодным металлом по позвоночнику. Телефонный звонок вырвал меня из сна, в котором я бежал по бесконечному коридору, а за спиной тикали часы. Они всегда тикают.

– На окраине нашли склад. Подозрительный, – сказал дежурный. Голос был будничным, но я слышал в нём то самое напряжение, которое бывает, когда люди не знают, чего ожидать. И я не знал. Но это никогда меня не останавливало.

– Что там Макс? – недовольно пробубнила Вика, и её лохматая головёнка появилась из-под одеяла.

Или она не Вика, а Вера? Или Василиса? Я вчера не запомнил. Да и какая нахуй разница, если мы больше никогда не увидимся?

– Давай, киса, собирайся! – поторопил я её. – Мне на

службу пора.

Стащил с неё одеяло и шлёпнул девчонку по аппетитной жопе. Эх, если бы не вызов дежурного, я бы ещё часик покувыркался в постели, а то и два.

– Ну, Макс... – простонала она.

– Прости, малыш, мне пора спасать мир!

– Мы ещё увидимся?

– Конечно, – бессовестно пиздел я. – Конечно.

Ну, чисто гипотетически мы ведь могли пересечься с этой лялькой где-нибудь? Земля же она круглая?

Через сорок минут я уже был на объекте.

Когда-то здесь ремонтировали сельхозтехнику, потом предприятие загнулось, а теперь по облупленным стенам гулял ветер, да местные пацаны лазили за острыми ощущениями.

Сегодня острых ощущений хватало без них. Я поставил стаканчик с недопитым кофе на капот служебной машины, натянул тяжёлый защитный шлем, и мир сразу стал тесным, глухим. Только собственное прерывистое дыхание напоминало о том, что я ещё жив.

– А когда было иначе? – усмехнулся я.

Голос в шлеме звучал глухо, будто я говорил из-под воды.

Начальник хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки, скорее усталость. Мы слишком долго работали вместе, чтобы играть в героев.

Возле входа уже суетились кинологи. Собаки нервнича-

ли, тянули поводки, их ноздри раздувались, улавливая запах смерти. Оцепление растянули метров на двести. Полицейские с усталыми лицами гоняли зевак, но народ всё равно снимал происходящее на телефоны.

Обожаю таких, сука! Пока одни рискуют жизнью, другие думают, под каким углом получится эффектнее снять взрыв. Я представил, как их видео разлетятся по соцсетям, и кто-то под ними напишет «жесть». Они даже не поймут, что настоящая жесть – это когда ты стоишь на краю и знаешь, что обратной дороги может не быть.

Я шагнул внутрь. Луч фонаря выхватывал проржавевшие станки, похожие на скелеты доисторических животных. Оборванные кабели свисали с потолка, как мёртвые змеи. Пустые коробки, масляные пятна на бетонном полу. И тишина.

– Макс, – раздался голос в наушнике. – Предварительно нашли растяжку. Робот нужен?

– Нет. Я её уже вижу, – ответил я.

Леска была натянута почти у самого пола. Тонкая, почти невидимая, дрожала от сквозняка. Я замер, чувствуя, как адреналин начинает разгонять кровь. Сердце билось ровно, но с каждым ударом в груди разгорался огонь.

Кто-то очень не хотел, чтобы эту игрушку нашли. Я аккуратно перешагнул через леску, чувствуя, как мышцы ног напряглись до предела. Каждое движение – как танец со смертью, которая может в любой момент наступить на ногу.

Через несколько метров я увидел виновника сегодняшне-

го переполоха.

Самодельное устройство. Пластиковый контейнер, обмотанный синей изолентой. Провода, спутанные в клубок, как нервные окончания. Два мобильных телефона, примотанные скотчем. И главное... Несколько килограммов промышленной взрывчатки.

– Нашёл, – спокойно сказал я, хотя внутри всё сжалось.

– Что скажешь? – спросил начальник.

– Скажу, что собирал человек с руками, – ответил я, разглядывая аккуратные спайки. – Профессионал. Не любитель.

– Обезвредишь?

– Постараюсь.

Я опустил на одно колено. Каждое движение стало медленным, текучим, как у хирурга перед сложной операцией. Не потому, что страшно. Потому что спешка здесь убивает. Я снял защитную крышку, и она с тихим щелчком упала на пол. Осмотрел контакты. Один детонатор. Второй. Третий...

Я замер.

– Вот блять... – прошептал я.

– Что там? – голос начальника стал жёстче.

– Ловушка, – ответил я, чувствуя, как по спине пробегает холодный пот. – Если бы я сейчас перекусил красный провод, мы бы уже ничего не обсуждали.

На том конце связи смачно выругались. Я только ухмыльнулся. Люблю, когда бомба пытается меня обмануть. Значит, сегодня будет интересно.

Минут двадцать ушло только на то, чтобы понять логику сборщика. Я мысленно разбирал схему, как пазл, где каждая деталь могла быть смертельной. Ещё десять – чтобы разобрать защитный контур. Пальцы дрожали от напряжения, но я заставлял их быть послушными. Пот стекал по вискам, заливая глаза, но я не мог вытереть его из-за шлема.

В костюме сапёра всегда жарко. Даже зимой. А сейчас, в этом проклятом цеху, мне казалось, что я нахожусь в духовке.

Наконец, я осторожно отсоединил последний разъём. Экран телефона погас. Таймер остановился. Я медленно выдохнул, и воздух вышел из лёгких с таким шумом, будто я держал его целую вечность.

– Всё, – сказал я, и голос прозвучал хрипло.

Несколько секунд в эфире было тихо. Потом раздалось дружное:

– Есть!

Я снял шлем. Свежий воздух показался невероятно вкусным. Я вдыхал его жадно, как человек, который только что вернулся с того света. Ко мне уже шёл эксперт-криминалист, высокий худой парень с вечно уставшими глазами.

– Заебись сработал, – сказал он, хлопнув меня по плечу.

– Было бы заебись, если бы вообще ничего не нашли, – ответил я, криво усмехнувшись. – И я бы до сих пор спал в своей уютной кровати с симпатичной тёлочкой.

– Ну ты, как всегда, – засмеялся он. – Признайся уже, что у

тебя стояк на работу похлеще, чем на баб? Тебе же нравится вся эта хрень?

Я посмотрел на обезвреженное устройство. Оно лежало на полу, безобидное, как детская игрушка. Но я знал, что внутри оно хранило смерть.

– Нравится не сдыхать, – сказал я тихо. – Это разные вещи.

Глава 2. Макс

Через час мы уже грузили улики. Солнце поднялось выше, и воздух стал теплее. Возле машины меня ждал Саня Русаков – друг, напарник, братишка.

Человек, который почему-то до сих пор не устал воспитывать меня. Он протянул бутылку воды.

– Держи.

Я выпил почти половину залпом, чувствуя, как вода обжигает горло.

– Спасибо.

– Слушай, Макс... – начал он, и я сразу понял, что сейчас начнётся.

– Уже не нравится начало, – перебил я.

– Потому что знаешь, о чём я.

– Догадываюсь, – вздохнул я.

Он опёрся плечом о машину, и его лицо стало серьёзным.

– Ты мог отказаться.

– От чего? – переспросил я, хотя знал ответ.

– От этого выезда, – сказал он, пристально глядя мне в глаза.

– Не мог, – ответил я твёрдо.

– Мог, блять, – настаивал он.

– Нет, – сказал я, чувствуя, как раздражение начинает закипать внутри.

Саня покачал головой, и я увидел в его глазах ту самую смесь страха и любви, которую чувствуют близкие люди, когда смотрят на самоубийц.

– Когда-нибудь ты, сука, всё-таки доиграешься.

– Пока везёт, – усмехнулся я, пытаюсь разрядить обстановку. – Не ссы.

– Ты специально лезешь туда, где опаснее, – сказал он, почти выплёвывая слова.

– Да просто работа такая, – ответил я, но голос дрогнул.

– Нет, Макс. Работа – это обезвредить бомбу. А не ползти к ней первым, когда есть робот, – сказал он, и его слова ударили меня, как смачный подзатыльник от бати.

– Робот не всегда справляется, – возразил я, хотя сам знал, что это отговорка.

– Иногда справляется! – почти закричал Саша.

– Иногда нет! – ответил я, повышая голос.

Он тяжело выдохнул, и я увидел, как его плечи поникли.

– Вот поэтому Яна постоянно переживает за тебя.

Я усмехнулся, но это была горькая усмешка.

– Лучше пусть за тебя переживает. Это не я же ей ребёнка заделал?

Лицо Сани сразу изменилось. Он улыбнулся так, как умеют только будущие отцы. Светло, тепло, почти по-детски.

– Шестнадцать недель уже.

– Поздравляю ещё раз, – сказал я, и в голосе послышалось что-то похожее на зависть.

– Спасибо, – ответил он.

Повисла короткая пауза. Я смотрел на небо, яркое, безоблачное, но ощущение тяжести не проходило.

– Знаешь... – сказал он тише. – Когда понимаешь, что скоро станешь отцом, начинаешь иначе смотреть на жизнь.

– Верю, – сказал я, но это прозвучало фальшиво.

– Нет, не веришь, – заметил он.

– Не верю, – признался я.

– А зря, – сказал он, и в голосе послышалась усталость. Он внимательно посмотрел на меня, и я отвёл взгляд. – Ты ведь живёшь так, будто завтра не существует.

Я закрутил крышку бутылки, чувствуя, как пластик нагревается от моих пальцев, и достал сигареты.

– Потому что его может не быть.

– И не все после смены едут искать приключения, – сказал он, и я почувствовал, что он знает о моём плане на вечер.

Я сделал максимально невинное лицо.

– Это ты сейчас о чём?

– О том самом нелегальном мототреке, куда ты повадился ездить, – сказал он, и в его голосе звучал металл.

– А-а... – протянул я.

– Даже не думай мне пиздеть, – сказал он.

– Не буду, папуль, – вздохнул я.

– Ты просто долбаный псих, – сказал он, качая головой.

– Знаю, – усмехнулся я, закуривая.

– Когда-нибудь ты разьебёшься к хуям собачим, – сказал

он, и в его голосе послышалась боль.

– Кто сдох – тот лох и кататься завтра не поедет, – ответил я самой популярной байкерской поговоркой.

– И тебя это вообще не пугает? – спросил он, и его глаза искали ответ.

Я посмотрел на ясное летнее небо.

– Нет, – сказал я, и это была правда.

– Почему? – спросил он.

Ответ пришёл сам собой, как будто он всегда жил у меня в груди.

– Потому что живым я чувствую себя только на скорости, – сказал я.

Сашка тихо выругался.

– Лечиться тебе надо.

– Поздно, – ответил я.

– Яна права. Тебя спасёт только какая-нибудь упрямая женщина, – сказал он, и в голосе послышалась надежда.

Я рассмеялся.

– Думаешь, есть шанс, что Марго Робби на меня западёт?

– Знаешь что, Макс? Иди к чёрту!

К полуночи город окончательно проснулся для другой жизни. Той, о которой знал не каждый смертный. Заброшенная промзона за кольцевой дорогой гудела десятками моторов. Запах бензина смешивался с запахом асфальта. Музыка долбила так, что вибрировали рёбра. Толпа уже окружила стартовую площадку. Кто-то принимал ставки, кто-то спо-

рил, кто-то клеил тёлку, фотографировавшихся возле спортбайков.

Я медленно въехал на площадку. Мою красную «Хонду», которую я сам собирал по запчастям больше года сразу узнали. В свете фар и прожекторов мой мотоцикл казался диким зверем, готовым сорваться с цепи.

– Гончаров приехал! – крикнул кто-то из толпы.

– Сегодня всем пиздец! – заорал другой.

– Макс, покажи класс! – донеслось откуда-то сбоку.

Я снял шлем и кивнул знакомым. Адреналин уже медленно разливался по крови, как яд, который с каждым глотком становился слаще. Вот теперь день действительно начинался. Здесь не было бомб, не было смертельных ловушек. Только асфальт, ветер и скорость – настоящая жизнь.

Но через несколько секунд шум неожиданно изменился. Люди расступались, освобождая дорогу ещё одному мотоциклу. Чёрный спортбайк плавно подкатил к линии старта. Водитель был полностью в экипировке: чёрный шлем с зеркальным визором, ни одного открытого участка кожи, никаких фенек, никаких номеров. Полный аноним. Он остановился рядом со мной. И, не поворачивая головы, дважды коротко ударил по газу. Будто бросал нам всем вызов.

Я невольно оскалился. Кровь закипела быстрее, сердце забилось в такт с рёвом мотора. Кто бы это ни был, он знал, что делает. И он знал, что я не отступлю.

– Ну что ж... Посмотрим, кто ты, на хрен, такой, – про-

шептал я, надевая шлем.

Я чувствовал, как каждая клетка моего тела вибрирует в унисон с мотоциклом. Ветер, который скоро станет моим единственным союзником, уже касался кожи, обещая свободу. Я знал, что этот заезд может стать моим последним. Но именно это знание делало меня живым.

(История Саши Русакова "[Защити меня](#)")

Я вышла замуж по любви за доброго, обаятельного парня, который носил меня на руках. После свадьбы наша счастливая семейная жизнь резко изменилась в худшую сторону.

Побои, оскорбления, унижения посыпались на меня от мужа, как из рога изобилия. Я долго терпела, боясь рассказать о недостойном поведении супруга даже собственной матери, но любому терпению приходит конец.

Воспользовавшись удачным моментом, я сбежала из дома. Что дальше? Мне совершенно некуда идти, негде спрятаться от этого тирана. Он будет меня искать. Уже ищет.

Случайное знакомство на пригородной трассе с молодым мужчиной в корне меняет мою жизнь. Он предлагает мне защиту, но я боюсь, что моему новому знакомому это не по силам.

Если он всё же сможет спасти меня от мужа, то что попросит взамен?

Helga Duran

ЗАЩИТИ МЕНЯ

Современный любовный роман

Глава 3. Макс

Я смотрел на чёрный спортбайк и понимал: этот пацан приехал не понтиться.

Это считывалось сразу. По посадке. По тому, как он держал корпус – ровно, без лишнего напряжения, будто сросся с мотоциклом. Как не дёргал газ без надобности, не вертел шлемом, не ловил взгляды толпы. Не изображал из себя короля ночной промзоны. Просто стоял рядом. Спокойный.

Бесяче спокойный.

А такие либо ничего не умеют, либо умеют слишком много. Я знал это по себе. Когда внутри бушует ураган, снаружи всегда тишина. Выученная. Отработанная. Смертельная.

– Макс! – подбежал ко мне Клык, местный организатор, вечно взъерошенный, в кожаной жилетке поверх худи. От него всегда воняло потом, бензином и дешёвым пивом. – Едешь?

– А похоже, что я приехал шашлыка пожрать? – огрызнулся я, хотя сам не понял, почему так резко. В груди уже разгорался тот самый огонь, который всегда появлялся перед гонкой. Только сегодня он был острее. Злее.

– Ух! Ты сегодня злой, я смотрю.

– Обычный.

Клык покосился на незнакомца. Тот стоял неподвижно, как статуя. Даже не шевелился. Только мотор тихо урчал, на-

помяная о том, что под чёрной экипировкой бьётся живое сердце.

– Он за тебя спрашивал.

– Он?

– Ага. Подъехал, спросил, где Гончаров. Я говорю: будет. Он сказал, что подождёт тогда. Хотел вызвать именно тебя.

Я медленно повернул голову к чёрному байку. Интересно. Очень интересно. За годы гонок меня вызывали многие. Но чтобы вот так – без имени, без компании, без понтов – впервые.

– Как зовут?

– Не сказал.

– А ты спрашивал?

– Да, но он неразговорчивый какой-то. Или тупой? Судя по писклявому голосу, сопляк совсем.

– Одно другому не мешает, – сказал я, чувствуя, как внутри нарастает странное возбуждение. Будто я стою на краю обрыва и знаю, что прыгну. Вопрос только – когда.

Клык хмыкнул.

– Ставки уже пощёрли. На тебя больше, естественно.

– Естественно, блять.

– Но на этого тоже кидают. Не знаю почему. Может, шлем красивый понравился?

Я усмехнулся и натянул перчатки. Кожа скользнула по пальцам, плотно обхватила запястья. Каждое движение было отработанным до автоматизма, но сегодня даже привычные

жесты казались острыми, как лезвие.

Незнакомец чуть повернул голову в мою сторону. Зеркальный визор поймал огни промзоны, и на секунду мне показалось, будто он улыбается. Хотя хрен там под шлемом разберёшь. Но внутри меня что-то дрогнуло. Не страх. Нет. Что-то другое, более древнее. Инстинкт хищника, который почуял достойную добычу.

– Трасса старая? – спросил я, стараясь говорить ровно.

– Старая. Через северный проезд, потом тоннель, разворот у бетонки, обратно через эстакаду.

– Машины?

– Перекрыли ребята. Почти.

– Почти? – переспросил я, поднимая бровь.

– Макс, ну ты же понимаешь, – развёл руками Клык.

Конечно, понимал. Нелегальные гонки потому и нелегальные, что здесь никто никому гарантий не выдавал. Мог выскочить грузовик. Могло выбросить с трассы из-за песка в повороте. Могли появиться менты. Мог какой-нибудь ебанат решить перебежать дорогу перед финишем ради красивого видео. Зато это было живо. Настояще. Без стерильных правил и скучных инструктажей. Без осточертевших «техника безопасности» и «регламентов». Только ты, дорога и решение – жить или не жить.

Я опустил визор. Мир сразу стал более концентрированным. Только дорога. Мотор. Пульс. Рядом чёрный байк коротко рыкнул двигателем – низко, гортанно, будто зверь про-

будился ото сна.

Я дал газ в ответ. Красный байк вздрогнул подо мной, готовый сорваться с места в любую секунду.

Толпа взорвалась криками. Кто-то свистел, кто-то топал ногами, кто-то уже снимал на телефон.

Клык вышел вперёд с фонарём. Поднял руку. Я выровнял дыхание. Сердце билось ровно, но в груди уже начинало гореть.

Раз. Два. Три.

Фонарь резко ушёл вниз.

Мы сорвались одновременно.

Переднее колесо на долю секунды разгрузилось, байк рванул так, будто под ним не асфальт, а натянутая струна. Я привычно прижал корпус, набрал вторую, третью. Промзона размазалась по краям шлема грязными полосами света. В ушах стоял только рёв двигателя и гулкий стук собственного сердца.

Чёрный шёл справа. Не отставал. Ни на сантиметр. Я видел его краем глаза – тень, которая не хотела уступать.

Первый поворот был мой. Я знал его до трещинки. Там на входе всегда лежал песок, поэтому большинство сбрасывали раньше. Я входил позже, жёстче, почти на грани срыва. Байк накренился так, что колено коснулось асфальта. Наколенник с железными вставками эффектно заискрился. Я чувствовал, как шины цепляются за покрытие, как каждый миллиметр резины борется за сцепление.

Чёрный сделал то же самое. Точно. Чисто. Без суеты. Я даже зубами скрипнул. Пиздюк не просто умел ездить. Он читал дорогу. Как я. Как те, кто родился на байке.

Мы вышли из поворота почти плечом к плечу. Я выжал газ, ушёл вперёд на корпус. Толпа за спиной давно пропала, впереди был только тёмный проезд между складами и дрожащие огни фонарей. Незнакомец держался за мной. Не лез. Не суетился. Ждал.

Меня это раздражало сильнее, чем если бы он сразу попёр на обгон. В таких гонках нетерпение часто опаснее скорости. Оно убивает неожиданно. Когда ты уже уверен, что контроль в твоих руках.

Перед тоннелем я сместился левее, закрывая ему траекторию. Нормальный гонщик должен был уйти наружу и потерять пару метров. Этот не ушёл. Он нырнул внутрь. В щель, куда я сам бы полез только под настроение. Рисковал. Безумно, но точно.

– Ебанутый! – выдохнул я, чувствуя, как адреналин ударяет в голову.

Я наклонил байк сильнее, чем надо, почти почувствовал, как заднее колесо начинает скользить. На секунду нас разделяли какие-то сантиметры.

Он не дрогнул. Вообще. Я кожей чувствовал его уверенность.

Мы влетели в тоннель вместе. Звук моторов ударил по бетонным стенам, вернулся рёвом, заполнил всё пространство.

Свет фар прыгал по плитам, выхватывая трещины, пятна мазута, старые граффити.

На выходе из тоннеля была яма. Я её знал. Он тоже. Вот это уже было плохо. Чёрный заранее сместился, обошёл яму и впервые вышел вперёд. Ненамного. На полкорпуса. Но вышел.

Во мне что-то щёлкнуло. Я не проигрывал. Не здесь. Не на этой трассе. Не какому-то молчаливому сопляку в красивом шлеме. Я дал газу. Байк ответил злым рывком. Скорость стала такой, что воздух начал давить на грудь даже через экипировку. Всё вокруг превратилось в размытые пятна.

Только дорога. Только цель.

Перед разворотом у бетонки многие сбрасывали слишком рано. Я всегда тормозил поздно. Сегодня затормозил ещё позже. Заднее колесо коротко повело. На миг весь мир повис на тонкой грани. Вот оно. То самое. Момент, ради которого я приезжал сюда снова и снова. Когда тело понимает быстрее головы. Когда любая ошибка стоит костей, крови и, возможно, последнего вдоха.

Я вошёл в разворот идеально. Почти идеально, потому что чёрный вошёл лучше. Он не стал спорить со мной на торможении. Не стал доказывать, что у него яйца крепче. Он просто ушёл чуть шире, сохранил больше скорости и выстрелил на выходе так, будто заранее знал, где я ошибусь.

Меня обошли. Чисто. Красиво. Умно. И это взбесило.

Внутри всё закипело. Не злость. Ярость. Глухая, перво-

бытная ярость, которая требовала одного – догнать, вернуть своё, доказать.

– Ладно, сучоныш, – выдохнул я, чувствуя, как кровь стучит в висках. – Хочешь по-взрослому?

Я сел ему на хвост. Слишком плотно. В обычной гонке так не делают, если у тебя есть мозги. Но у меня с мозгами по вечерам была напряжёнка. Чёрный не пытался оторваться рывком. Он держал скорость, не давал мне чистой траектории и ни разу не ошибся. Ни разу, чёрт бы его побрал!

На эстакаде нас встретил боковой ветер. Байк дрогнул под мной, и я услышал, как гулко стучит сердце. Чёрного тоже качнуло, но он удержал машину ровно. Я почти видел, как его руки работают с рулём – плавно, уверенно, без лишних движений.

До финиша оставалась пара километров. Я знал единственный участок, где мог его забрать. Старый съезд направо, потом короткая прямая. Если войти агрессивно, можно выскочить перед ним. Опасно. Зато красиво.

Пизда тебе, сосунок!

Глава 4. Макс

Я начал смещение. Чёрный будто почувствовал. Не увидел. Именно почувствовал. Он закрыл мне вход за секунду до манёвра. Пришлось уходить наружу. Я потерял долю секунды. Маленькую. Ничтожную. Но в гонке этого хватало.

Финишные огни появились впереди. Толпа орала, но я уже не слышал слов, только общий дикий гул. Чёрный шёл первым. Я выжал всё. До последнего. Мой байк взревел, перед глазами дрожала линия финиша. Я почти догнал. Почти сравнялся. Ещё метр. Ещё полметра.

Но первым финиш пересёк он.

Не я. Он.

Я сбросил скорость только через несколько секунд, потому что мозг отказывался принять очевидное. Я проебал!

Я!

ПРОЕБАЛ!

Впервые за несколько лет. Не из-за поломки. Не из-за грязной трассы. Не из-за чужого мухлежа. Меня просто обошли.

Толпа взорвалась. Кто-то свистел. Кто-то ржал. Кто-то орал моё имя. Кто-то вопил: «Чёрный выебал Гончарова!» Я остановился, поставил ногу на асфальт и несколько секунд сидел неподвижно. Внутри было пусто. Потом горячо. Потом очень, очень зло.

Чёрный байк остановился метрах в десяти от меня. Красиво. Сдержанно. Будто не случилось ничего особенного. Будто он каждый вечер приезжал и втыкал меня на этой трассе.

Я снял шлем. Лицо горело. В ушах стучала кровь. Где-то в груди засела тупая боль – не физическая, а та, что бывает, когда твой мир переворачивается с ног на голову. Я смотрел на чёрный байк и чувствовал, как внутри поднимается уважение смешанное с бешенством.

Клык подлетел первым.

– Макс! Это было... это было охуенно! Ты видел, как он обошёл тебя на эстакаде? – Я медленно повернул к нему голову. Клык подавился словами. – Понял. Молчу.

– Да кто он, нахуй, такой?

– Да откуда я знаю?

– Так узнай!

– Сейчас попробую.

Я не стал ждать. Слез с байка и пошёл к победителю. Толпа расступалась быстро. Наверное, вид у меня был не самый дружелюбный. Чёрный гонщик всё ещё сидел на мотоцикле. Шлем не снимал. Даже руки с руля не убрал.

– Хорошо гоняешь, – сказал я, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё кипело.

Он молчал.

– Это был комплимент, – добавил я, чувствуя, как раздражение начинает закипать снова.

Снова тишина в ответ.

– Ты чё, сука, язык от радости проглотил? – спросил я, начиная терять терпение.

Он чуть наклонил голову. Дразнил. Вот теперь я был уверен. Дразнил. Я подошёл ближе, чувствуя, как воздух между нами становится плотным, почти осязаемым.

– Имя скажешь? – спросил я, вглядываясь в зеркальный визор. Никакой реакции. – Или кличку? Фейс засветишь? Или только в шлеме смелый? – процедил я, чувствуя, как желваки играют на скулах.

Толпа вокруг притихла. Кто-то тихо присвистнул. Чёрный наконец медленно поднял руку. Я решил, что он снимет шлем. Но он всего лишь показал мне два пальца.

Не средний. Нет. Хотя я был бы только рад – был бы повод дать ему в рожу.

Два. Как знак победы. Молча. Нагло. И до безобразия спокойно.

У меня говнище внутри уже кипело.

– Реванш, – сказал я. – Завтра. – Он покачал головой. – Зассал, что ли? – процедил я, чувствуя, как гнев застилает глаза.

Победитель чуть наклонился вперёд, и мне показалось, что за зеркальным визором он смотрит прямо мне в глаза. Потом поднял руку и постучал пальцем по баку своего мотоцикла. На чёрном пластике была выведена маленькая рыжая лиса. Смешная. Почти детская.

Я не успел спросить, что это значит. Он резко завёл дви-

гатель.

– Эй! – рявкнул Клык. – Ты куда?

Чёрный байк сорвался с места. Не в сторону общей дороги. Не к парковке. А в узкий проход между складами, куда нормальный человек на спортбайке не полез бы вообще.

Я метнулся к своему мотоциклу.

– Макс, стой! – заорал кто-то.

Поздно. Я уже был в седле. Двигатель рванул ночь на части. Я погнал за ним, чувствуя, как ветер обжигает лицо. Проход оказался ещё уже, чем казался. Слева кирпичная стена, справа ржавый забор, под колёсами битое стекло и щебень. Чёрный шёл впереди уверенно, будто катался здесь каждый день.

Я держался рядом. Почти достал его на выезде. Но он вдруг резко ушёл влево, под арку старого цеха. Я едва успел повторить. Внутри было темно. Фары выхватывали колонны, мусор, старые ящики. Один неверный поворот, и меня бы размазало о бетон.

– Вот же сраный гадёныш! – прорычал я, чувствуя, как страх смешивается с азартом.

На выезде из цеха чёрный байк прыгнул через низкий бордюр, ушёл на грунтовку и поднял за собой облако пыли. Я рванул следом, но через пару сотен метров грунтовка разветвлялась сразу на три направления. Я увидел только задний огонь. На секунду. Мелькнул красной точкой. И исчез.

Я затормозил так резко, что заднее колесо юзом пошло по

пыли. Тишина ударила сильнее мотора. Где-то далеко ещё гудела промзона. А здесь были только я, ночь и пустая дорога.

Он ушёл. Просто растворился.

Я долго курил, привалившись к байку, и смотрел туда, где исчез задний фонарь. Потом достал телефон. От Санька было три пропущенных. И сообщение: «Ты опять на гонках? Яна сказала, если разложишься, она тебя сама добьёт».

Я усмехнулся, но отвечать не стал. Вместо этого сфотографировал след от шин на пыли.

– Значит, Лис? – тихо сказал я, чувствуя, как внутри разгорается странное тепло. – Ну хорошо.

Ветер шевельнул пыль у ботинок. Я посмотрел на звёздное небо и дико, истерично заржал.

Меня обогнали. Меня разозлили. Меня заинтересовали. И если этот молчаливый гонщик думал, что сможет просто исчезнуть после такого, он очень плохо знал Максима Викторовича Гончарова.

Можно было вернуться на тусовку и подобрать там девочку на ночь, чтобы успокоила и высосала из меня горечь поражения вместе со спермой. После гонок всегда хотелось жёстко поебаться. Сегодня было лень, потому что не было настроения.

Я поехал домой. Медленно. Спокойно. Но внутри уже зрела мысль: я найду его. Чёрного Лиса. Или рыжего?

Похуй.

Сдохну, блять, но найду!

Глава 5. Мирослава

Я летела домой быстрее, чем на гонках.

Не потому что боялась опоздать, просто не хотела встречать рассвет на дороге. В это время охрана у ворот начинала просыпаться окончательно, и мне очень не хотелось объяснять Петровичу, почему дочь Фёдора Ярыгина возвращается домой в такое время.

Всё ещё не верилось, что я уделала Максима Гончарова.

Непобедимого. Самоуверенного. Слишком красивого и смелого для обычного мужчины.

Я притормозила за квартал до дома, сняла шлем и спрятала его в багажник маленького хэтчбека Вари. Машину подруга оставила мне у старого торгового центра, а сама уехала с каким-то музыкантом, потому что у Вари вся жизнь строилась по принципу: «если парень с гитарой – в постели он бог».

Я переоделась прямо в машине. Сняла защитную куртку. Стянула перчатки. Засунула мотоботы под сиденье. Натянула худи, джинсовку и кроссовки. В зеркале на меня смотрела вполне приличная студентка модного университета. Ну, если не считать горящих глаз и улыбки, которую невозможно было убрать даже усилием воли.

Я снова вспомнила, как финишная черта мелькнула под колёсами. Как красный байк Максима остался на полкорпу-

са позади. Как толпа орала мне, чувствуя, поздравляя, восхищаясь.

Как он подъехал ко мне. Злой. Красивый. Опасный. И до невозможности сексуальный.

– Хорошо гоняешь, – сказал он.

А я едва не рассмеялась ему в лицо.

Конечно, хорошо. Меня учил дядя Лёва. Брат мамы. Профессиональный гонщик и каскадёр, человек с вечными синяками, сломанным носом и привычкой говорить: «Если падаешь, делай это красиво, чтобы потом не было стыдно». Отец до сих пор считал, что дядя засрал мне мозги, а я считала иначе. Он подарил мне свободу и уверенность в себе.

Первый раз он посадил меня на маленький кроссовый мотоцикл, когда мне было одиннадцать. Я тогда ревела в три ручья, потому что панически боялась упасть. Дядя Лёва сказал:

– Если боишься упасть – упави и больше не бойся.

Несколько падений, и страх действительно притупился.

Мама ругалась. Отец грозился подать на него в суд. А я через неделю уже гоняла по дачному полю так, что соседская коза три дня отказывалась выходить из сарая. Дядя Лёва погиб год назад. Разбился на съёмках. Отец тогда сказал:

– Вот видишь, чем заканчиваются идиотские увлечения?

А я тогда впервые поняла, что взрослые иногда говорят самые жестокие вещи, когда им больно. После смерти дяди мне запретили всё: мотоциклы, гонки, любые компании, где

были «сомнительные личности». Правда, отец не учёл одного. Если человеку что-то запрещать достаточно долго, запрет начинает пахнуть не опасностью, а приглашением.

Дядя Лёва не просто научил меня гонять на байке, он выработал во мне привычку преодолевать трудности и страхи "на характере".

Я подъехала к воротам. Охранник приподнял брови.

– Мирослава Фёдоровна...

– Доброе утро, Петрович.

– Уже утро, да.

– Вот и я о том же.

Он посмотрел на часы. Потом на меня. Потом снова на часы.

– Фёдор Андреевич не спит.

Прекрасно. Просто зашибись!

– Сильно не спит?

– Вообще не спит.

– Петрович, ты мог бы сказать, что я приехала в час ночи?

– Камеры, Мирослава Фёдоровна.

– Предатели.

– Меры безопасности.

– Одно и то же.

Он открыл ворота и проводил меня взглядом с таким сочувствием, будто я ехала не домой, а на казнь. Впрочем, разница была небольшая.

Дом светился почти всеми окнами. Это значило, что отец

не просто не спит. Он бесится. Я припарковала машину подруги у бокового входа и ещё минуту посидела внутри. Можно было сейчас включить заднюю и уехать. Куда угодно. На трассу. К Варе. В другой город. К самому чёрту. Но отец всё равно нашёл бы. Фёдор Ярыгин умел находить людей. Особенно когда эти люди были его единственной дочерью и главным источником седых волос.

Я вышла из машины, захлопнула дверь и направилась к дому.

В холле уже пахло "керосином". Отец стоял у лестницы в тёмных брюках и рубашке с закатанными рукавами. Лицо жёсткое. Челюсть сжата. В руке телефон. Я видела, как побелели костяшки его пальцев.

– Где ты была?

Без «доброе утро». Без «жива?». Сразу допрос.

– У Вари.

– Не ври.

– Пап...

– Не ври, я сказал!

Я остановилась в трёх шагах от него. Воздух между нами стал тягучим, как патока. Я чувствовала запах его одеколona, который он всегда использовал перед важными встречами. Значит, он действительно не спал. Не пытался уснуть. Просто ждал.

– Я была у Вари.

– Варвара сейчас в клубе на набережной. Водитель её отца

уже доложил.

Вот же гадство. Варя, конечно, подруга любимая, но алиби из неё было примерно как зонтик из салфетки.

– Значит, сначала была у Вари, потом она уехала.

– А ты?

– А я осталась.

– Где?

– У её знакомых.

– Каких знакомых?

– Пап, мне двадцать два!

– И что?

– То, что я не обязана отчитываться за каждый пук.

Он резко шагнул ко мне. Я видела, как дергается вена у его виска – всегда так было, когда он пытался сдержать крик.

– Пока ты живёшь в моём доме и носишь мою фамилию, обязана!

Меня кольнуло. Вот это он умел. Не кричать. Не хлопать дверями. Просто подбирать слова так, чтобы я сразу чувствовала себя не человеком, а пунктом в его расписании.

– Может, мне тогда бейджик повесить? – спросила я, чувствуя, как внутри закипает злость. – «Собственность Фёдора Ярыгина. Не трогать. Не выпускать. Не смотреть в её сторону».

– Не шути так.

– А что мне делать? Плакать?

– Ты даже не понимаешь, чем рискуешь.

– Ночёвкой дома?

– Жизнью.

Я закатила глаза. Он это заметил. Конечно, заметил. От него ничего не ускользало.

– Мирослава.

Когда отец произносил моё имя полностью, ничего хорошего это не значило. Только то, что сейчас он скажет что-то, что заставит меня хотеть оказаться подальше отсюда.

– Ты думаешь, я просто так усилил охрану?

– Я думаю, ты усиливаешь охрану каждый раз, когда у тебя плохие рейтинги.

Он побледнел от злости. Я видела, как кровь отлила от его лица, оставляя кожу серой, почти прозрачной.

– Не смей.

– А ты не смей превращать мою жизнь в тюрьму.

– Я защищаю тебя.

– От кого? От воздуха? От друзей? От того, что мне может понравиться кто-то без личного водителя?

– От людей, которые не станут спрашивать твоего согласия.

Я замолчала. В его голосе было что-то такое, что на секунду сбило мой запал. Не обычная отцовская ярость. Не политика. Страх. Настоящий. Он редко его показывал. Почти никогда.

– Что происходит? – спросила я уже тише.

Отец отвернулся. Я увидела, как дрогнули его плечи. На

секунду он стал не бизнесменом, не депутатом, а просто мужчиной, который боится за своего ребёнка.

Глава 6. Мирослава

– Ничего, что должно тебя касаться, – отмахнулся отец.

– Ты считаешь, что если не рассказывать мне правду, я буду в безопасности? Да ты просто издеваешься надо мной!

– В университет сегодня поедешь с охраной, – сказал он.

– Нет.

– Это не просьба, Мирослава!

– Я устала, пап. Правда. Можно ты прочитаешь мне лекцию после сна?

Я попыталась пройти мимо. Он схватил меня за локоть. Не больно, но крепко. Я почувствовала, как его пальцы впишутся в кожу через тонкую ткань худи.

Где-то внутри я уже понимала, что перегнула палку, но гордость не давала остановиться.

– Ещё одна такая выходка, и я заблокирую все твои карты.

Я медленно перевела взгляд на его руку. Потом на него. Внутри меня что-то оборвалось. Я почувствовала и обиду, и разочарование. Папа думал, что меня можно купить. Что я стану послушной только потому, что он платит за мою жизнь.

– Думаешь, свобода покупается твоими деньгами? – спросила я тихо.

– У тебя есть только та свобода, которую я оплатил.

Слова звучали тяжело, некрасиво и унижительно. Даже

охранник у входа отвернулся. Я высвободила руку, чувствуя, как внутри всё сжимается от обиды.

– Спасибо, что напомнил, что я дочка бездушного олигарха.

– Мира...

– Спокойной ночи.

– Уже утро.

– Тогда спокойного утра.

Я поднялась по лестнице, чувствуя его взгляд спиной. Каждая ступенька давалась с трудом, будто ноги налились свинцом. В комнате первым делом закрыла дверь на замок. Потом скинула кроссовки и достала из рюкзака маленькую рыжую игрушечную лису – мой талисман.

Я бросила лису на кровать и улыбнулась. На телефоне уже было миллион сообщений от Вари.

«МИР, ТЫ ЖИВА?»

«ОН ТЕБЯ ДОГНАЛ?»

«ДОГНАЛ И ТРАХНУЛ?»

«СКАЖИ, ЧТО ТЫ СНЯЛА ШЛЕМ, И ОН УПАЛ К ТВОИМ НОГАМ»

«МИР, Я НЕ МОГУ СПАТЬ, ТЫ ПОНИМАЕШЬ?»

«НАДЕЮСЬ, ТЫ ПОЕХАЛА К НЕМУ, И ВЫ СЕЙЧАС ШПИЛИТЕСЬ КАК КРОЛИКИ, ПОЭТОМУ ТЫ НЕ ОТВЕЧАЕШЬ.»

Я набрала:

«Жива. Я его сделала. Шлем не сняла. Он был злой. Я уже

дома».

Ответ пришёл мгновенно:

«ТО ЕСТЬ, ТЫ ДО СИХ ПОР ДЕВСТВЕННИЦА? КАКОЙ КОШМАР!»

К сожалению, всё ещё девственница. Я думала, Гончаров меня по асфальту размажет. Ему было явно не до секса.

Я присела на край кровати и закусил губу. Перед глазами снова возник Максим. Высокий. Мощный. С короткими тёмными волосами, резким лицом и руками, для которых был создан руль мотоцикла.

У всех девушек начиналась овуляция, стоило Максиму появиться на горизонте. Они буквально писались кипятком и едва ли не дрались, пытаясь завладеть его вниманием.

Первый раз я увидела его три месяца назад. Варя тогда притащила меня на гонки как зрительницу.

– Просто посмотришь, – сказала она. – Никаких заездов. Никаких приключений. Ты же обещала отцу быть хорошей девочкой.

Я тогда честно собиралась просто посмотреть. Пока не появился он. Красный мотоцикл. Самоуверенная усмешка. Толпа, которая расступалась перед ним, как перед божеством. И девушки...

Боже, сколько там было девушек. Одна поправляла ему воротник. Другая смеясь, вешалась на его плечо. Третья уже сидела на его байке, будто это её законное место.

Гончаров был типичным нарциссом. Он знал, что красив

и сексуален, и кайфовал от своей охуенности. Татуировка на мускулистом плече в виде дракона, первоклассная экипировка, даже цвет его байка буквально кричал: смотри на меня.

Могу поклясться, что у Гончарова был стояк на самого себя, когда он просто проходит мимо зеркала.

Но если бы я была режиссёром, я бы снимала его в кино. Только его одного.

Макс никого не отталкивал. Никому ничего не обещал. Просто был таким, от кого у нормальной девушки должен включаться инстинкт самосохранения. У меня, видимо, он давно сгорел вместе с тормозами.

Я смотрела на него слишком долго. Варя ткнула меня локтем.

– О, нет, Мир! Даже не думай.

– О чём?

– О нём.

– Да я и не думаю.

– У тебя уже слюни потекли. Надеюсь, только слюни?

– Варя, прекрати! – сказала я и покраснела.

– Гончаров бабник. Не трать время.

– Гончаров?

– Максим Гончаров. Военный какой-то. Сапёр, кажется. Короче, обезвреживает бомбы на работе, а в свободное время взрывает сквиртом наивных дурочек.

– Фу, Варь!

– Что фу? Говорят, что в постели он просто бог! Если хочешь, чтобы твой первый раз прошёл феерично, обращайся к Максусу. Его как раз на разок и хватает. Но даже не мечтай о чём-то большем.

Я тогда решила, что даже подходить к нему не буду. Потому что девушки вроде меня могли получить внимание таких вот Максимов Гончаровых только одним способом: стать очередной. А я никогда не хотела быть очередной. Я хотела, чтобы он воспринимал меня, как равного.

И сегодня он смотрел на меня именно так. Правда он думал, что смотрит на парня, но кого волнуют эти детали?

Я ответила Варе:

«Я уехала потом, а он за мной гнался. Хотел увидеть моё лицо».

Она прислала десяток огоньков. Потом:

«Представляю, как сильно бы он охренел, если бы узнал, что его уделала девчонка! Ты больная, Мирка, но я тобой горжусь».

Я рассмеялась и пошла в ванную. Когда вернулась, телефон завибрировал снова. Варя:

«Он наверняка будет тебя искать».

Я посмотрела на лежавшую на кровати лису и улыбнулась шире. Пусть ищет. Пусть злится. Пусть думает, что его обыграл какой-то парень в чёрном шлеме. Он всё равно никогда не узнает правду.

Конечно, мне бы хотелось, чтобы Максим узнал. Я пред-

ставила его лицо в этот момент и едва не застонала от удовольствия. Этот самоуверенный красавчик ещё долго будет злиться. И почему-то мне очень хотелось быть рядом, когда он, наконец, поймёт, кому именно проиграл.

Я легла на кровать, глядя в потолок. В груди всё ещё бился тот самый ритм – быстрый, живой, опасный. Я закрыла глаза и снова увидела его. Красный мотоцикл. Горящие глаза. Руки, которые так уверенно держали руль. Вот бы также властно они держали и меня...

Шёлковый халат распахнулся, и прохладный воздух спальни коснулся разгорячённой, влажной после ванны кожи, заставляя мурашки пробегать по рукам и животу.

Я провела ладонью по груди, чувствуя, как сосок отзывается, наливается, твердеет от одного лишь лёгкого прикосновения. Сладкая истома разлилась по телу, где-то глубоко внизу живота ещё тлела искра, не желая угасать. Адреналиновое возбуждение не отпускало. После гонок совсем не хотелось спать. Хотелось чего-то совершенно другого – порочного и запретного.

Я прикрыла глаза, и передо мной снова возник Макс.

По позвоночнику пробежала новая дрожь. Я повернулась на бок, обняла подушку, притянула её к себе, вжимаясь бедром в прохладную простыню. Внутри разливалось что-то огненное, густое. Не триумф. Не злорадство. Что-то более грязное.

Я не стыдилась низменных мыслей об этом мужчине, не

гнала их от себя, не пыталась переключиться на что-то другое. Напротив, я позволила возбуждению полностью завладеть мной.

Сжала бёдра, чувствуя, как там, в глубине, нарастает тупая, ноющая пульсация. Мои пальцы скользнули по животу, задержались на лобке, замешкались, а затем сами нашли путь вниз.

Там уже было мокро.

Я представила, что это его рука лежит у меня между ног. Представила, что это его пальцы раздвигают влажные, горячие складочки, что его дыхание касается моей шеи. Что его губы – твёрдые, дерзкие, требующие – шепчут мне на ухо слова любви, которые он никому не говорит. Слова о том, что я единственная для него, что он хочет только меня и весь мир бросает к моим ногам, что он готов отдать за меня жизнь.

Клитор стал невероятно чувствительным. Я надавила пальцем сильнее, входя в такт с воспоминаниями, наращивая ритм, чувствуя, как мышцы напрягаются, сжимаются, пульсируют вокруг пустоты, которая жаждет заполнения.

Другая рука снова потянулась к груди, сжала округлую налитую тяжесть, выкрутила сосок до боли. Боль смешалась с наслаждением, и я закусилась губу, чтобы не застонать.

Мне давно следовало заняться с кем-нибудь сексом. Эта затянувшаяся девственность уже сводила с ума. Пока никто стоящий не попадался на роль моего первого мужчины, а с тотальным контролем моего отца выбираться из дома стано-

вилось всё сложнее.

Я ускорила движения, чувствуя, как приближается волна оргазма – пожирающая, огромная, неотвратимая. Я выгнулась навстречу своей руке, навстречу запретному желанию. Внутри всё сжалось до предела, а затем взорвалось ослепительной вспышкой.

– Боже, – простонала я, едва не заорав в голос.

Тело выгнулось дугой, оторвавшись от кровати. Громкий, задыхающийся всхлип вырвался из моей груди – я не сдержалась, не захотела сдерживать. Судороги прокатились по телу, от пальцев ног до макушки, оставляя после себя ощущение полного, абсолютного блаженства.

Я рухнула на подушку, вся мокрая, тяжело дышащая. Грудь вздымалась, сердце колотилось где-то в висках. Сладковатый, густой и совершенно неприличный запах моего возбуждения и смазки наполнил комнату. Так пахли мои мысли о Максе.

В памяти снова зажглись его глаза – пронзительные и невероятно красивые. Я хотела увидеть их снова. Я хотела, чтобы он посмотрел на меня так, как смотрят на женщину, которую хотят, а не как на соперника.

Я знала, что этого никогда не случится. И вообще, вряд ли мы когда-нибудь ещё увидимся с Гончаровым снова...

А вот мечтать о Максиме мне никто не мог запретить, даже папа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.